

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-2-392-410

EDN: HWSLHN

УДК 811.161.1'23-053.4

Научная статья / Research article

Деривационные процессы в речи ребенка от 5 до 6 лет: узуальное и окказиональное

М.Б. Елисеева

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Российская Федерация

✉ melyseeva@yandex.ru

Аннотация. Объектом исследования стали особенности словообразования в речи одного ребенка в возрасте от 5 до 6 лет, предмет анализа — словообразовательные окказионализмы и употребление в речи дериватов, относящихся к разным частям речи. Проведено сопоставление словообразовательных окказионализмов рассматриваемого периода с окказионализмами предыдущих этапов (условно отдельным этапом считается каждый год жизни ребенка). Наибольшее количество окказиональных слов отмечено в возрасте от 3 до 4 лет, а наименьшее — от 5 до 6. Преобладающим способом словообразования на всех возрастных этапах является суффиксация. На втором месте все другие способы прямой деривации, при этом доля сложения всегда низка. Обратное и заменительное словообразование встречаются крайне редко. До 3 лет детские инновации относятся к трем частям речи: больше всего существительных, на втором месте — прилагательные, на третьем — глаголы. От 3 до 4 количество существительных и глаголов практически одинаково, а прилагательных меньше. От 4 до 5 процент существительных высок, а глаголов значительно меньше. Доля прилагательных в эти три периода не меняется. От 5 до 6 начинают преобладать глаголы, образованные различными способами, — этот этап можно назвать взрывом глагольного словообразования. Мотивирующими словами для создания детских окказионализмов до 3 лет являются существительные и глаголы, но первых вдвое больше. Затем возникает баланс этих частей речи и появляются прилагательные. Постепенно доля глаголов становится несколько выше по сравнению с существительными, а доля прилагательных увеличивается. Хотя создание инноваций — одно из проявлений метаязыковой деятельности ребенка, после 5 лет осознанность в процессе словообразования возрастает. Ребенок создает свои слова, играя и занимаясь творчеством. Взрослые влияют на возможность создания детьми окказионализмов, читая им книги детских поэтов и писателей, в произведениях которых есть языковая игра.

Ключевые слова: речевой онтогенез, детское словообразование, словообразовательные окказионализмы, части речи, словообразовательные модели, метаязыковая деятельность, языковая рефлексия, лингвокреативность

Заявление о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Елисеева М.Б., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи: дата поступления: 11.08.2024; дата приема в печать: 15.12.2024.

Для цитирования: Елисеева М.Б. Деривационные процессы в речи ребенка от 5 до 6 лет: узуальное и окказиональное // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 2. С. 392–410. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-2-392-410>

Derivational Processes in the Speech of a Child from the Age of 5 to 6 Years Old: Normative and Occasional

Marina B. Eliseeva¹

Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation

✉ melyseeva@yandex.ru

Abstract. The features of word-formation in the children's speech of a child aged 5 to 6 years old, namely, word-formation occasionalisms and the use in speech of derivatives belonging to different parts of speech are in the focus of the study undertaken. In parallel, a comparison was made as to word-formation occasionalisms of the period from 5 to 6 years old with occasionalisms of previous stages. The greatest number of word-formation innovations in a child's speech occurs between the ages of 3 and 4, and the least — from 5 to 6. The dominant means of word formation at all age stages is suffixation. All other means of direct derivation are considered as secondary. Reverse and substitution word formation are extremely rare. New derivational models of children's innovations are described in comparison with the models mastered by a child from 1 year and 9 months to 5 years old: adjectival or substantive verbs formed according to non-productive models. Up to 3 years of age, innovations relate to three parts of speech: nouns, adjectives, verbs. From the age of 3 to 4, the number of nouns and verbs is the same, but the number of adjectives is less. From the age of 4 to 5 the ratio of nouns is still high and the ratio of verbs becomes much smaller. The ratio of adjectives in these three periods is the same. From the age of 5 to 6, verbs predominate — this stage can be called an explosion of verb word formation. Although the creation of innovations is one of the manifestations of a child's metalinguistic activity, after the age of 5 the degree of awareness in the process of word formation increases. The child creates his own words through play and creative activities. Adults influence children's creation of occasionalisms through reading books by poets and writers who play games with language.

Keywords: speech ontogenesis, children's word-formation, derivational occasionalisms, parts of speech, word-formation models, metalinguistic activity, reflections of language, linguistic creativity

Conflicts of interest: the author declares no conflict of interest.

Article history: received: 11.08.2024; accepted: 15.12.2024.

For citation: Eliseeva, M.B. (2025). Derivational Processes in the Speech of a Child from the Age of 5 to 6 Years Old: Normative and Occasional. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(2), 392–410. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-2-392-410>

Введение

Цель исследования — анализ особенностей словообразовательных процессов в речи одного ребенка в возрасте от 5 до 6 лет и сопоставление полученных результатов с результатами предшествующих этапов.

Основная причина детского окказионального словообразования, охватывающего не только период «от двух до пяти» [1], но и более поздние этапы речевого развития детей, связана с различием между узуальным лексиконом языка и ограниченным словарем ребенка [2]. Как замечает С.Н. Цейтлин, «способ, избранный ребенком, часто отличается от того, который был использован для номинации того же явления в конвенциональном языке» [2. С. 291]. В этот разряд попадают детские инновации, заполняющие относительные языковые лакуны, когда в узусе есть синонимическая единица к детскому слову. Однако есть и другая причина «словосочинительства»: часть явлений «не имеет лексических этикеток» [2. С. 294] — и ребенок заполняет абсолютные лакуны, используя потенциальное из языковой системы. Именно в области словообразования таких примеров очень много, в отличие от формообразования: деривационные модели чрезвычайно разнообразны, а процессы в нормативном языке подчас прихотливы — создать все возможные слова не способен ни один язык.

Как пишет Е. Кларк (исследующая детский лексикон и словообразование на материале английского и других языков с 80-х гг. XX в.), на детское словообразование влияет несколько факторов: простота формы, прозрачность смысла и продуктивность инпута. Характерно, что Е. Кларк отмечает, что для детей, овладевающих французским, итальянским, португальским и испанским языками, данные об образовании детьми новых слов состоят главным образом из дневниковых наблюдений; в некоторых случаях они дополняются экспериментальными исследованиями [3].

В настоящей статье исследуется окказиональное словообразование в речи Лизы Е. (1996 г.р.) в возрасте от 5 до 6 лет на основании дневниковых записей. Дневник речевого развития ребенка велся автором настоящей статьи и является частью ФДДР НИЛ онтолингвистики РГПУ им. А.И. Герцена. Окказиональное словообразование в речи ребенка от 1,9 (возраст первых инноваций) до 5 лет было подробно проанализировано ранее [4–7].

Лексика от 5 до 6: использование в речи ребенка дериватов различных типов

Анализ инноваций — не единственный путь исследования освоения детьми словообразования. М.Д. Воейкова считает, что «об уверенном осознании деривационных связей говорит» не только создание детьми словообразовательных инноваций, но и «применение детьми продуктивных деривационных моделей, или возникновение в их речи „параллельных цепочек“ из нескольких разных глаголов с одной приставкой» [8. С. 13]. Автор исследует ранний этап речевого онтогенеза (до 3 лет), когда словообразовательных инноваций мало, поэтому такой подход очень продуктивен. Безусловно, было бы интересно рассмотреть видеозаписи, в которых подряд фиксировалась речевая продукция ребенка (в течение записи) и сравнить нормативные дериваты и окказиональные, но эта задача невыполнима (видеозаписи велись до 4

лет). Однако в дневнике встречаются разнообразные дериваты, относящиеся к разным частям речи: *чудище, запасы, закат, рассвет, выходной, детство, младенчество, подросток, головастик, нищенка, прозвище, равновесие, продолжение, без сомнения; вырасти, разгрызть, усыпано, подушить, посторожить, переполо́шенные, избаловать, сосчитать, уходить, вскрыть* (в значении открыть, о тайне), *капризничать, властвовать, тянуться, заблудиться, разговаривать, перебирать, перевоспитать, переодеться, перепрыгивать, преувеличивать, выучивать, подавиться, согреться, присоединиться, рассыпаться, размножаться, рассаживаться, свариться, вернуться, возвращаться; прикольный, вечный, грамотный, посторонний, породистый, молоденький, жирненький, немножечко, изумительно, поласковее, по-настоящему*. Иногда от этих слов созданы формообразовательные инновации (*заморозИта, останавлиась, намечи* (наметь), *разодру* (раздеру), *содру* (сдеру), *переполнетой* (переполненной), *горе успокоимое, дай опахалу, на рисованиях, нет голольда; по голольду, почистее, подолже* (подольше). Иногда дериваты использованы в ненормативном значении: *Я девочка простая, которая совсем не обозначает на Лизу; Надо преследовать* (следить) *за вашим кетчупом*. Окациональное формообразование может сочетаться с окациональной семантикой: *Давай Наташа назовем. Кстати, это имя не такое размножённое*. Отметим, что больше всего среди дериватов именно глаголов.

Наблюдения М.Д. Воейковой и В.В. Казаковской за процессом освоения глаголов в раннем возрасте показали преобладание префиксальных моделей [9. С. 182–183]. Интересно, что до трех лет детьми не использовались глаголы, построенные иначе. По приведенным выше примерам очевидно, что узуальные дериваты в речи ребенка 5–6 лет отличаются значительным разнообразием, однако среди глаголов больше всего префиксальных. Это обусловлено тем фактом, что приставки «легко выделяются носителями языка в структуре глагола как структурно, так и семантически» [10. С. 38].

Окациональная деривация от 5 до 6

Если говорить о количестве словообразовательных инноваций, то мы видим следующую динамику: с 1,9 до 3 — 83, от 3 до 4 — 196, от 4 до 5 — 113, от 5 до 6 — 68. Хотя объем дневника после 5 лет меньше и в этот период в дневнике встречаются комментарии о том, что записано не всё и есть типичные случаи, не зафиксированные матерью, тем не менее очевидна общая тенденция снижения количества инноваций после 4 лет (рис. 1).

Проанализируем, по каким моделям построены инновации ребенка после пяти лет.

Отглагольные существительные (3), являющиеся названиями отвлеченного действия: с нулевой суффиксацией (как и прежде), а также с новыми суффиксами *-ений* и *-ий*: *Вот к чему этот завид привел!; здесь больше полязия, тошнение*.

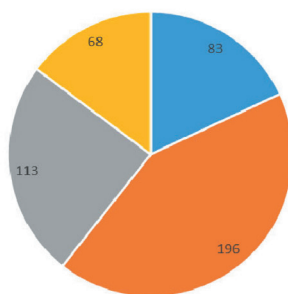

Рис. 1. Количество словообразовательных инноваций в разные возрастные периоды в речи Лизы Е
 Источник: составлено М.Б. Елисеевой.

Fig. 1. The number of word-learning innovations in different age periods in E. Lisa's speech
 Source: compiled by Marina B. Eliseeva.

Отглагольные существительные, обозначающие предмет, предназначенный для совершения действия, или лицо, совершающее действие (5). Во-первых, два слова с суффиксами, уже встречавшимися ранее (-лк, -тель): *держалочка для бус* — о леске (двухшаговое образование: держать — держалка — держалочка); *проигрыватели* — о героях сказки «Колобок», которых они лепили в детском саду¹. Во-вторых, отмечено три отглагольных существительных с новыми суффиксами: -ник² (*встречники* — те, кто встречает); -льщик (*дарильщик*).

Особняком стоит слово *обслуженец*: *Вчера рассказывала, как приходил чужой кот: «А я ему говорю: уходи, у нас и так много обслуживенцев: Егор, Зося, Клепа... (клички котов — нашего и соседских). Сегодня играет в кота, я должна говорить: Обслуженец, уходи, брысь!»* Использование суффикса -енец удивительно, и вот почему: «§ 332. Морф -ец выступает ... в существительных, мотивированных словами на -ение...: перерождение — перерожденец... пораженец, снабженец...» [11]. Абсолютно все примеры из Русской грамматики, редкие и не могли быть аналогиями для ребенка, к тому же нет слова «обслужение», и детское слово, вероятно, все же образовано от глагола обслуживать. Однако суффикс -енец встречается, например, в отадыктивном существительном младенец, которое, безусловно, было знакомо ребенку.

Интересно посмотреть на то, как изменилось обозначение лиц, указывающих на гендерную принадлежность. До пяти лет нередко были отсубстантивные существительные с нулевой суффиксацией, обозначающие родовые

¹ Попыталась сама исправиться: назвала описательно (которые...), потом — играющие, потом — герои. Возможно, повлияла омонимия с нормативным словом проигрыватель, известным ребенку.

² Этот суффикс в Русской грамматике отмечен только у отсубстантивных существительных. В 4 года было сходное слово: *шаловник*. При этом слово *встречник* кажется вполне обычным — модель вполне могла бы существовать.

корреляты мужского пола, и изобиловали женские отсубстантивные корреляты — как правило, с суффиксом *-их*. В 4 года впервые (однократно) встретились производные с суффиксами *-иц* и *-к*. В статье [7] указано, что подобные окказионализмы обусловлены желанием играть и заполнением лакун нормативного языка. Таких инноваций от 5 до 6 всего 3: с суффиксами *-иц* и *-к*, а также образованное путем десуффиксации.

Проанализируем эти примеры. Оба случая прямого словообразования возникают при опоре ребенка на слова, обозначающие лица мужского пола, предварительно употребленные в речи: 1) *командирами и командирщицами*; 2) *Уговаривает куклу-мальчика Дениса сесть на лошадь-качалку: «Ты же настоящий рыцарь! Я не рыцарька»*. Впечатление, что ребенок понимает окказиональность своих образований, но они ему необходимы в данном контексте. Это подтверждается и третьим примером, где сознательность употребления подмечена в дневнике: *Я хочу этого ута красить (в раскраске изображен герой мультфильма мужского пола). — Ну, крась этого ута (подчеркиваю голосом последнее слово). — Селезня. Произнесла ут явно сознательно, но все же исправилась*. Даже зная слово *селезень*, ребенок предпочел создать свое: это сделать легче, чем вспомнить. Проявлением метаязыковой деятельности, когда «единицы, освоенные ребенком на бессознательном уровне, передвигаются в светлое поле сознания» [2. С. 295], является и такое возражение ребенка в диалоге с мамой: *Играет, что она мальчик Антон. — Ты умница! — Я не умница, я мальчик!* Ребенок осознал слово общего рода в качестве женского вследствие ориентации на окончание 1 склонения.

Создание ребенком инноваций — само по себе одно из проявлений метаязыковой деятельности. Однако после 5 лет осознанность в процессе словообразования возрастает и увеличивается число случаев языковой рефлексии, которая, по мнению Т.А. Трифионовой, «по сравнению с другими проявлениями метаязыковой деятельности — явление более высокого порядка» [12].

Неизменно многочисленны относительные прилагательные с разнообразными суффиксами, производные от существительных (8) с суффиксами *-ов*, *-ин*, *-н*, *ск-* и от глаголов (2) с суффиксами *-льн* и *-л* (последний суффикс прежде не встречался, а все остальные использовались): *карандашовый паке-тик; свадебное платье; докторская шапочка, мужчинский* (о пиве и о пластыре, дважды в разное время); *оркестрный* (о столике); *полотенный крючок; тюльпанная страна; небное солнце* (4 примера с суффиксом *н*); *засыпальная песенка; штаны сохлые*.

Казалось бы, с этими моделями все по-прежнему, но есть и нечто новое: благодаря комментариям в дневнике можно заметить если не сознательность в образовании многих из этих слов, то, если так можно выразиться, «полуосознанность». При этом некоторые из этих окказионализмов использованы в игре или в творчестве: *небное солнце* — в собственных стихах; *Тюльпанная страна* — название своего рисунка; при укачивании куклы: *Засыпай, мой*

ребенок, мой крошка... Мандаринчики приснятся тебе... Это засыпальная песня. В 5,5,26 в дневнике отмечено: Стала смеяться во время чтения. Смех вызывают выдуманные слова: *куковальный бунт* (из «Гарантийных человечков» Э. Успенского). Казалось бы, авторский окказионализм повлиял на создание детского слова с тем же суффиксом, но *засыпальная песенка* записана в 5,0,25, а еще раньше был *снимальный хвостик*.

Ребенка не смущает и сложность артикуляции: он повторяет окказионализм с трудным стечением согласных из четырех звуков, изменяя порядок слов: *столик оркестрный, оркестрный столик*.

Притяжательные прилагательные с суффиксами *-ин, -ий, -ячий* (их было много до 5 лет) почти исчезли (3), причем встречаются исключительно в игре или в творческой деятельности: *деревьины ветви; Гусячьи следы в утро первого выходного* (название своего рисунка), *по гусячьим следам* (повтор в этот же день). Слово *котячий* можно считать устойчивой инновацией данного ребенка: оно было и прежде — используется при игре в кошку (*котячий пляж*). Внутри своего мира, внутри игры ребенок чувствует себя вправе говорить по-своему.

Если говорить об однотипных инновациях, то больше всего случаев окказионального образования видовых пар (12) с помощью имперфективации с неверным выбором суффикса. Этот способ был частотен и от 3 до 5. При этом, как правило, используется суффикс *-ива/ыва* вместо *-а*: это 7 инноваций из 12: *приближиваются, украшиваю*³, *я не буду научиваться, ему Алеша отгрызывал уши, напоминаешь, а как она очищается (о воде)?, выставливаем два ворота*.

Есть примеры, когда в норме видовой пары у глаголов нет (3 — *покипеть, полюбить, улечься*): «Несоотносительные глаголы сов. вида — это преимущественно те префиксальные глаголы, у которых присоединение префикса меняет значение глагола, а образование вторичного имперфектива по тем или иным причинам невозможно» [11]. Однако в детской речи суффиксальная имперфективация у этих глаголов возможна: *полюбляю* (*С кем я долго бываю, того я люблю*⁴); *покипывает* (помешивая кетчуп на плите), при этом встретилось самоисправление, когда подобран приблизительный эквивалент: *Бельчата улягиваются... Улягиваются... Ложатся*.

Еще один пример свидетельствует о самостоятельном образовании ребенком слова только потому, что сохранена основа производящего глагола: *буду расте/илять*⁵ (о коврике), ср. с нормативным расстилать: суффикс ис-

³ Эта же инновация встретится и позже: *Надо украсить дом. У всех на день рождения города украшивают* (6,5,18).

⁴ Здесь могло повлиять стремление ребенка создать ритмизованную строчку.

⁵ Хотя окказионализмы подчиняются правилам русской орфографии, это слово можно, как нам кажется, написать по-разному: если за корнем следует суффикс А, корень требует написания с И. Но этот суффикс в норме ни разу не встречается после мягкого согласного. А глагол образован от слова «расстелить», поэтому облик корня хочется сохранить.

пользован тот же, но основа унифицирована, и чередования мягкого согласного с твердым нет.

Именно суффиксальную имперфективацию для образования видовой пары использовать удобно, так как в паре с глаголом совершенного вида изменяется только видовое значение, тогда как префиксальная перфективация часто сопровождается изменением лексического значения. Возможно, поэтому префиксальное образование окказиональных глаголов, чрезвычайно активное от 3 до 4, почти не встречается после 4-х. Нами высказывалось предположение о том, что ребенок отказался от коммуникативно непрозрачных моделей вследствие того, что созданные ребенком глаголы могут быть непонятны из-за полисемии и омонимии приставок [7].

Единственный пример префиксального образования видовой пары связан с супплетивизмом в нормативном языке и обусловлен простотой и понятностью окказионализма в данном случае, так как префикс чисто видовой: *А Оксана ищет, ищет, ничего не наищет* (ср.: *учить — научить, кормить — накормить*).

Отадъективное образование глаголов с префиксом *у-* и суффиксом *-и-* (а иногда и с постфиксом) со значением ‘наделить признаком’ уже встречалось от 4 до 5 лет (*украсивить, украсивиться, утиишиться*) — теперь есть четыре подобных примера, хотя на этот раз они образованы от компаративов: *укруглить, ухужить, убольшиваться, утоньшивать*.

Слово *укруглить* было использовано дважды: *Укруглить волосы. Головной убор; У вас такие лохмотья... Теперь нужно укруглить* (причесывая мать). Один окказионализм создан в результате прайминга (модель продуктивная, ср. *увлажнить*) и сопровождается самокоррекцией: *Я не улучшила, а ухужила... Сделала плохо*.

Две инновации являются двухшаговыми: *убольшиваются* — о руках (*большие — убольшиться — убольшиваться*); *они утоньшивают резину* — о том, как делают воздушные шары (*тоньше — утоньшить — утоньшивать*). Проанализированные примеры можно назвать предшественниками (прообразами) глагольного взрыва в словообразовании после пяти лет.

Остановимся на новых частных моделях, появившихся после пяти лет. Замечательно, что это почти исключительно глагольные дериваты, мотивированные существительными или прилагательными, — суффиксальные, префиксально-суффиксальные или префиксально-суффиксально-постфиксальные. Н.М. Введенская отмечает, что «в словообразовании заметна тенденция к использованию не всего разнообразия моделей, а только тех, что являются продуктивными» [13. С. 72]. Однако это справедливо на ранних этапах развития, а теперь уже далеко не всегда так: в основном типы непродуктивные и слова, по аналогии с которыми могли бы быть созданы детские, — редкие. Нами было замечено, что эти инновации похожи на окказионализмы писателей [14].

При этом по каждой частной модели создан один или — максимум — два глагола. Рассмотрим детские инновации.

1) Суффиксальные глаголы (6).

Как планета, яркаёт... — Что? — Как планета, яркаёт... — Что такое «яркаёт»? — Мерцает. Объяснение ребенка, спровоцированное взрослым, неточное: *яркаёт* — становится ярким, ярче, а *мерцает* — то ярче, то тусклее. Синоним приблизительный, лагуна абсолютная. Отадъективный глагол с суффиксом *-а-* имеет значение ‘приобретать признак’ (ср. *ветшать*) — этот тип отмечен в «Русской грамматике» как непродуктивный.

Появлению этого слова предшествовала инновация *блескает*, которую ребенок использовал неоднократно в значении ‘сверкает, переливаясь’ (о переливающихся точках — в компьютере). Модель здесь несколько иная, так как глагол мотивирован существительным, при этом все частные значения и приведенные в «Русской грамматике» пары нельзя назвать аналогичными (*завтракать, пеленать, седлать*).

Отгдъективные глаголы с суффиксом имеют знач. ‘приобретать признак’: *Я все красивеёу и красивеёу.* Этот тип продуктивный — в отличие от образований от существительных с тем же значением (ср. *сиротеть*), что не мешало ребенку сконструировать и отсубстантивный окказионализм: *Я все дурчею, дурчею, дурчею.*

Другой отсубстантивный глагол — с суффиксом *-и*, обозначающий действие, свойственное лицу, названному производящим словом, — *рыболовить*. В узусе по этой модели строятся разговорные или просторечные глаголы: *партизаниить, шоферить, кашеварить*.

Отсубстантивные глаголы с суффиксом *-ова-* имеют значение отнесенности действия к предмету. Детская инновация *голосовать* совпала с существующим словом, но лексическое значение иное — основанное на прямом значении производящего слова *голос*: *Когда ты говоришь с кем-то, я начинаю голосовать* (мешает матери говорить по телефону — громко кричит). К этому типу относится также слово *бешенствовать* и образованное от него префиксально *побешенствовать*: *Носится перед сном по квартире. Хочу бешенствовать. Еще немного побешенствовать.* Любопытно, что ни один из 8 подтипов этого словообразовательного типа не характеризует эти примеры полностью, так как значение окказиональное ‘проявлять то, что названо мотивирующим существительным’. Третий детский пример свидетельствует о том, что модель понравилась, так как ребенок создает слово по этой модели, повторяет его трижды и меняет форму: *Черепашка будет аппетитовать сушиками... Перестань ты аппетитовать. Лучшие здесь аппетитуй огуцом.*

2) Префиксально-суффиксальные глаголы (5).

Один отадъективный глагол с приставкой *по-* и суффиксом *-е-* имеет значение «приобрести признак». В § 908 «Русской грамматики» отмечено, что многие глаголы мотивируются сравнительной степенью прилагательного:

он посерьезнел, то есть стал серьезнее [11]. Детский окказионализм по этой модели — *потупеть*: *Он немножечко потупел* (о карандаше).

Один отадъективный глагол с приставкой *о-* и суффиксом *-и-* имеет значение ‘наделить признаком’. В § 891 «Русской грамматики» приведены примеры облагородить, округлить, осложнить — остальные слова более редкие. Однако ребенок во время чтения детской Библии сказал о Ноевом ковчеге: *Животные хорошие, они все омягчают*. Вероятно, деривация двухшаговая (в сочетании с имперфективацией): *мягкий* (мягче) — *омягчить* — *омягчать*.

Глагольные дериваты с префиксом *вы-* и суффиксом *-и-*, мотивированные прилагательными, имеют то же значение; в «Русской грамматике» приведены примеры *выпрямить*, *выявить*, *выяснить* и указано, что тип продуктивный (§ 887). Детский окказионализм: *Ты это выкрасни* (т.е. ‘сделай красным’: обведи красным фломастером написанное ручкой слово «колобок»).

Следующий тип — непродуктивный: глаголы с тем же суффиксом, но с другой приставкой (*от-*), образованные от существительных, имеют значение ‘отделить то, что названо мотивирующим существительным’: *отщепить* (отделить щепку) § 894 [11]. Детский окказионализм: *отгвоздить* ‘выдернуть гвозди из забора’.

3) Префиксально-суффиксально-постфиксальные глаголы (2).

Использован тот же суффикс — *-и-*, приставки *за-* или *о-* и постфикс.

Образованным по уникальной модели является окказионализм затёплит-ся: *Когда затёплится...* В Русской грамматике приведены два примера, но производные от существительных: *заилиться*, *запаутиниться* (окказиональное) [11. § 956]. От прилагательных образованы глаголы с другими приставками (*наловчиться*, *расщедриться*).

В норме глаголы с преф. *о-*, суф. *-и-* и постфиксом *-ся*, имеют значение ‘стать тем или приобрести признаки предмета’, однако в окказионализме ребенка другое словообразовательное значение форманта — не ‘стать тем...’, а ‘проявить то...’: *Это ты оголосилась* ‘произнесла’ [11. § 956].

И, наконец, есть единственный случай образования наречия: *Залезла в шкаф. Это мы, Роза и Лиза! А Аня не пришла в добавку с нами?* Ближе всего к детскому примеру такая модель: «Наречия с преф. *в-/во-* и суф. *-у* и нулевым, омонимичными флексиям вин. п. ед. ч. существительных... обозначают... признак, характеризующийся отнесенностью к тому, что названо мотивирующим словом: в придачу, в одиночку...» § 1009 [11].

Деривационные процессы с использованием некоторых моделей, актуальных на ранних этапах словообразовательной активности, еще активны, но инновации, созданные по ним, единичны: субстантив с суффиксом увеличительности (*календариче*); два диминутива (*держалочка*; *приманивают и красотой сиренки*). Инновации, обозначающие детенышей, исчезнувшие после 4 лет, теперь отмечены дважды, при этом оба примера — заполнение

абсолютных лакун: *ластят* (в ласточкином гнезде); *маленький сирененок, такой мальчик сирена*⁶.

Несмотря на «высокий уровень системности» явлений постфиксации и депостфиксации, отмечаемый С.Н. Цейтлин [15], в речи нашего информанта подобных примеров почти нет. Постфиксация и депостфиксация были частотны до 4 лет, однако семантических отличий между мотивирующим глаголом и детским окказионализмом не было. На данном этапе зафиксирован один пример добавления постфикса, который можно трактовать как пассивную конструкцию с привнесением страдательного значения: *Дети! Вы будете скоро капаться в нос!*

Случай «осмысленной» депостфиксации тоже всего один — ребенком образован переходный глагол: *Вскарабкай меня туда* (залезает на мать и хочет, чтобы та ей помогла). Исчезли ошибки, которые были нередки до 4 лет 8 месяцев — «потеря» постфикса у действительных причастий, не меняющая значение слова (по типу *кончившее=кончившееся*).

Замечен еще один случай обратного словообразования, весьма необычный: *Мама, ты что оголтела?* Ребенок отталкивался от прилагательного *оголтелый* — это подтверждает факт фиксации этого слова в дневнике: *кошки оголтелые* (пятью месяцами ранее). Интересно, что, в свою очередь, это прилагательное происходит от глагола — «из диал. о-голтеть, из праслав. *gyltati (вероятно, звукоподр.)»⁷.

Заметим, что оба примера обратной деривации привели к образованию глаголов.

Встретился один случай заменительной префиксации: *Сказала, что будут санки запасные и будут припасные* (ударение на ы): *на которых можно кататься*.

Из моделей, актуальных прежде, отсутствуют отадъективные существительные, обозначающие абстрактный признак или лицо, которому присущ признак, а также не встретились префиксально-суффиксальные отадъективные наречия и глаголы с суффиксом однократности. В статье [7] было высказано предположение, что одна из возможных причин утраты актуальности модели — освоение ее в предшествующий период и потеря интереса к ее формальной стороне.

Дети создают весьма небольшое количество слов путем сложения: не случайно в трудах С.Н. Цейтлин эта модель даже не упомянута. М.Д. Воейкова объясняет это тем фактом, что «в целом в русском языке количество

⁶ Из дневника: «Дочитывают с папой детское переложение "Приключений Одиссея". После посещения Камероновой галереи в Пушкине и моего рассказа про Ариадну Лиза стала проявлять интерес к мифам. Нарисовала сирен и описывает свой рисунок».

⁷ Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М. : ИЦ Азбуковник, 2007.

компози́тов как в лексической системе, так и в потоке речи значительно ниже, чем в языках с богатым основосложением» [8. С. 146].

В речи нашего информанта основосложение с суффиксацией встрети́лось в этот период лишь однажды: *землекрушение* по аналогии со словом *землетрясение*. Этот пример можно осмыслить и иначе: могло быть модифицировано само слово *землетрясение* — первый корень остался, а второй заменен синонимичным *трясение*). В эгоцентрической речи было одно слово, образованное сложением слов (*сверток-сумочка*) — таким же образом создавались первые сложные слова, от 2 до 3 лет (*ремешок-змея*). В речи матери в диалоге с ребенком отмечено окказиональное прилагательное, образованное сложением: *Сейчас я тебе сделаю прическу деньрожденную*. Слово звучит настолько естественно, что ребенок не обращает на него внимания и отвечает на содержание высказывания взрослого: *Когда мой будет праздник, ты будешь тоже в прическе ходить*.

Одна инновация не была включена мною в основной анализ, поскольку создана без использования какой-либо узуальной модели и напоминает некоторые индивидуально-авторские образования А.П. Чехова, тоже образованные от несуществующих корней): «Придумала себе имя и фамилию — Глагорию Аистовчикина. Записала под моим руководством, потом спрашивала, какая она девочка (чтобы запомнить)».

Сопоставление словообразовательных окказионализмов от 5 до 6 с окказионализмами предыдущих этапов

Основной способ словообразования на всех этапах — суффиксальный (что предсказуемо): его показатели практически неизменны начиная с 1,9 до 6 лет — 66–70 % (рис. 2).

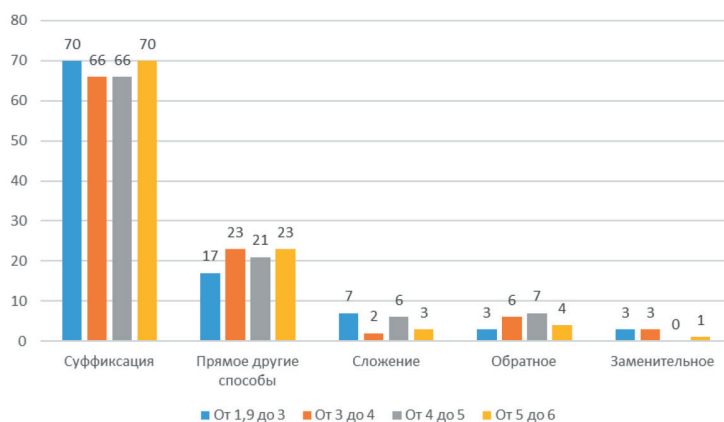

Рис. 2. Способы словообразования инноваций на разных возрастных этапах, проценты
Источник: составлено М.Б. Елисеевой.

Fig. 2. Ways of word-forming innovation at different age stages, percent
Source: compiled by Marina B. Eliseeva.

На втором месте все другие способы прямой деривации (от 17 % до 2 лет до 21–23 % вне зависимости от возраста), исключая сложение, которое посчитано отдельно. Процент сложения невелик (2–7 %), и может показаться странным, что больше всего таких случаев до 3 лет, но в этом возрасте это исключительно сложение слов — основосложение только зарождается. Процент обратного словообразования низок (3–7 %), а заменительного еще меньше (0–3 %).

Какими частями речи являются детские слова (рис. 3)?

До 3 лет это существительные, прилагательные и глаголы — и именно в таком порядке по убыванию частотности (40, 35 и 25 %). От 3 до 4 количество существительных и глаголов практически одинаково (37 и 38 %) и меньше прилагательных — 24 %. Появляются наречия — 1 %. От 4 до 5 — процент существительных опять вырос — 43 % (почти как было и до 3 лет), гораздо меньше глаголов — 30 (но они на втором месте) и еще меньше прилагательных — 24 %. Наречия единичны — 3 %. Мы видим, что процент прилагательных в эти три периода не меняется.

От 5 до 6 частеречное соотношение инноваций меняется: лидируют глаголы — 47 %, существительных всего 32 % и, даже процент прилагательных впервые несколько уменьшился — 20 %. Наречие — 1 %.

Этот этап можно назвать взрывом глагольного словообразования.

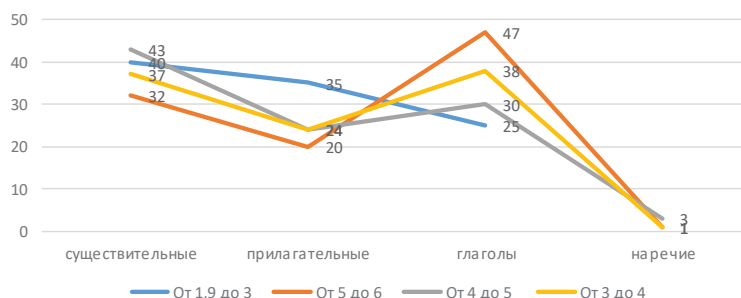

Рис. 3. Частеречная отнесенность словообразовательных инноваций на разных возрастных этапах, проценты

Источник: составлено М.Б. Елисевой.

Fig. 3. Private rating of word-based innovations at different age stages, percent

Source: compiled by Marina B. Eliseeva.

И, наконец, от каких частей речи ребенок образует свои слова (рис. 4)?

Сначала, до 3 лет, в подавляющем большинстве случаев инновации произведены от существительных — 68 %; более, чем вдвое, ниже — процент отглагольных — 29. На периферии находятся отмеждоментные — 2 % и отадъективные дериваты — 1. От 3 до 4 — одинаковое количество отсубстантивных

и отглагольных инноваций — по 46 %; количество отадъективных выросло до 6 %, отмеждоментных и отадвербиальных окказионализмов по 1 %. От 4 до 5 процентов отглагольных дериватов тот же — 46, а отсубстантивных несколько меньше — 40. Процент отадъективных увеличился до 9, от наречий до 4, а от междометий по-прежнему 1. От 5 до 6 доля отглагольных и отсубстантивных окказионализмов почти одинакова — 43 и 40 соответственно, доля отадъективных выросла почти вдвое (17), а других типов нет.

Таким образом, динамика изменения частеречной отнесенности производящих слов такова: до 3 лет это в основном существительные и глаголы, причем первых вдвое больше. Затем возникает баланс этих частей речи и ощутимо присутствие прилагательных. Постепенно процент глаголов становится несколько выше по сравнению с существительными в качестве мотивирующих слов, а процент прилагательных устойчиво растет.

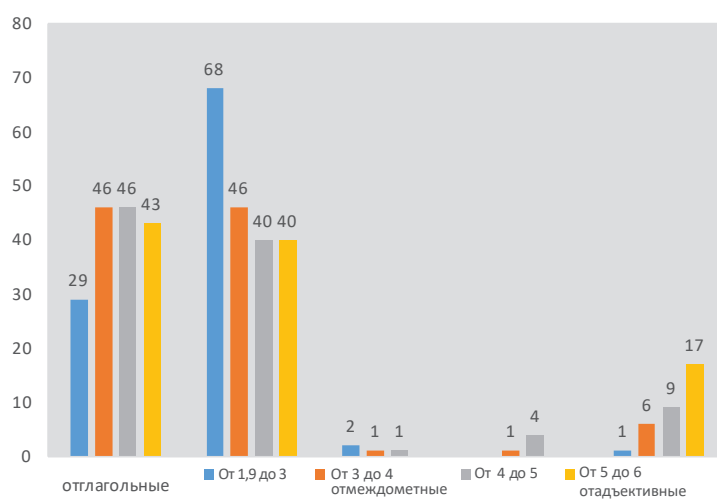

Рис. 4. Типы инноваций по частеречной природе производящего слова от 4 до 5 лет, проценты
 Источник: составлено М.Б. Елисеевой.

Fig. 4. Types of innovations in the nature of the word producer from 4 to 5 years, percentage
 Source: compiled by Marina B. Eliseeva.

Влияние инпута на создание и употребление словообразовательных окказионализмов детьми

«Воспитание речи» — так называется главка в книге К.И. Чуковского «От двух до пяти». Книга знаменитая, а эта главка цитируется редко, хотя в ней автор касается важного вопроса: «вправе ли мы культивировать их (инновации — М.Е.) в речи детей?». Писатель утверждает, что нельзя хвалить при ребенке сочиненные им слова и тем более пытаться сохранить их в его речи. Задача педагога — «возможно скорее приблизить речь детей к речи взрослых». Кроме того, писатель осуждает родителей, открыто записывающих детскую речь [1].

Справедлива ли точка зрения К.И. Чуковского, высказанная с присущей писателю страстностью? Современные онтолингвистические исследования доказывают, что взрослые, как правило, не только не культивируют детские окказионализмы, но часто не обращают на них никакого внимания. Родителей прежде всего интересует содержание речи ребенка, а не форма высказывания: «По-видимому, истинностное значение, а не синтаксическая безупречность в основном вызывает эксплицитное словесное подкрепление со стороны родителей» [16. С. 7]. Многие инновации взрослые не замечают, хотя словообразовательные окказионализмы более выразительны и заметны, чем, например, формообразовательные. Немногие родители записывают речь детей, при этом скрыть от ребенка это в какой-то момент становится невозможным. Однако это скорее развивает языковую рефлексию, чем отрицательные качества характера. Время от времени родители корректируют речь ребенка, используя тактики прямого и косвенного исправлений [17. С. 103]. В речи детей, начиная с 2 лет, много самоисправлений различных типов (больше всего — морфологических), но при этом словообразовательные инновации исправляются (например, поясняются, заменяются словосочетанием), как правило, не самостоятельно, а только после вмешательства (косвенных исправлений) взрослого. Интересен пример из дневника А.Н. Гвоздева, где после вопроса отца Женя в 6,6 заменяет свой окказионализм синонимом, а потом добавляет еще один окказионализм: — *Пестристый олень*. — *Что это значит?* — *Пестрый*. — *Почему же пестристый?* Кричит, недовольный, что к нему пристают: — *Много пестринок!* [18]. Примеры см. также в [17. С. 107].

Процесс создания окказионализмов (в том числе словообразовательных) при нормотипичном развитии речи продолжается в течение всего дошкольного детства и в младшем школьном возрасте. Например, в речи Жени Гвоздева отмечены в 6,6,20–6,6,25 — *светловато*, *прорез*, *толщенный*, *удавик*, *зачтоха* (*заштоха* какой! — о том, кто повторяет «за что»), *светлота*, *дымяки*, *дымейка* (о вулканах), *брызгучки*, *начепушишь* (*скажешь чепуху*), *не экскурсенная дорога*, *разбойничьишки*. В 7, 5: *Деручий мальчишка*, *Спиляют вяз*; *Он дерется*. *Кого знает, не дерет*», *бумага прозра'чивается*, *прозра'чится*. Последние окказиональные слова записаны А.Н. Гвоздевым в 8, 9, 22 [18].

К 8–9 годам окказионализмы остаются почти исключительно только как языковая игра, см., например, такой диалог с девятилетним мальчиком, записанный автором настоящей статьи: — *Ты прислушиваешься?* — *Нет, я приглаживаюсь!*

Опыт родителей, которые вели дневники речевого развития своих детей, показывает, что действительно скрыть ведение дневника от ребенка (особенно по мере его взросления) становится трудно или даже невозможно, однако запись ошибок ребенка взрослым ведет к развитию языковой рефлексии ребенка, а не к развитию позерства.

В заключение упомянем еще одну значимую причину создания детьми окказионализмов. К словотворчеству детей побуждает чтение родителей (а позже — собственное чтение), поскольку в детской литературе частотны словообразовательные окказионализмы: в прозе А. Волкова, Н. Носова, В. Драгунского, Э. Успенского, в поэзии О. Григорьева, М. Яснова, В. Левина, А. Усачева, М. Бородицкой, Г. Кружкова, И. Шевчука, в переводной литературе — у Л. Кэрролла, А. Милна, Р. Даля, О. Нэша, Доктора Сьюза, Дж. Р.Р. Толкиена, Дж. Роулинг и др. Вследствие развития языковой рефлексии ребенок начинает осознавать возможность создания несуществующих слов не только им самим, но и взрослыми — судя по наблюдениям [19], это происходит как раз после пяти лет: в дневнике в 5,5,26 отмечено: «Недавно стала смеяться во время чтения. Смех вызывают выдуманные слова: *куковальный бунт* (из «Гарантийных человечков» Э. Успенского).

Заключение

Мы придерживаемся подхода о появлении словообразовательных инноваций, построенных по различным моделям, как о критерии усвоения этих моделей ребенком. Использование ребенком некоей модели как образца для конструирования своего слова — не только свидетельство детской лингвокреативности, но креативности в определенном русле: чтобы создать слово по модели, ребенок должен осознать ее (какое слово является производящим, с помощью какого форманта с каким словообразовательным значением оно построено).

Новые словообразовательные модели — это прежде всего отыменные глаголы, образованные суффиксально, префиксально-суффиксально или префиксально-суффиксально-постфиксально по непродуктивным моделям. Мотивирующими словами для детских инноваций этого периода также часто являются глаголы.

Развитие языковой рефлексии приводит, с одной стороны, к самоисправлениям и, с другой стороны, к сознательному словотворчеству, к чему детей побуждает также чтение игровой поэзии. Ребенок всегда, с самого начала речевого онтогенеза, использует узуальные языковые средства: даже у самых «лингвокреативных» детей окказионального значительно меньше. Это относится и к словообразовательным инновациям. По мере взросления пополняется лексикон, и поэтому словообразовательными окказионализмами в основном заполняются абсолютные языковые лакуны, т.е. то, что не имеет наименований в нормативном языке. Огромное количество продуктивных словообразовательных моделей ребенком «не отрабатывается» с помощью окказионализмов — напротив, используются редкие, необычные модели. Вспомним, что усвоение моделей ребенком происходит не только посредством создания собственных слов, но и через использование в речи производных слов. Однако обозначенная проблема предполагает дальнейшие размышления и требует изучения.

Библиографический список

1. Чуковский К.И. От двух до пяти. М. : Детская литература, 2023.
2. Цейтлин С.Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М. : Знак, 2009. EDN: RWKCTL
3. Clark E.V. Later lexical development and word formation // *The handbook of child language* / eds. P. Fletcher, B. MacWhinney. Oxford: Blackwell, 1995. P. 393–412. <https://doi.org/10.1111/b.9780631203124.1996.00016.x>
4. Елисеева М.Б. Становление индивидуальной языковой системы: ранние этапы. М. : Языки славянской культуры, 2015. EDN: VRSAJJ
5. Елисеева М.Б. Суффиксальные словообразовательные модели в речи ребенка от 3 до 4 лет (на материале лонгитюдного исследования) // *Современная онтолингвистика: проблемы, методы, открытия : материалы ежегодной междунар. науч. конф. Иваново : Листос, 2019. С. 152–156. EDN: ONJXFM*
6. Елисеева М.Б. Онтогенез словообразования в речи ребенка от 3 до 4 лет (на материале лонгитюдного исследования) // *Известия РГПУ им. А.И. Герцена*. 2020. № 196. С. 86–96. <https://doi.org/10.33910/1992-6464-2020-196-86-96>.
7. Елисеева М.Б. Словообразовательные окказионализмы в речи одного ребенка в возрасте от 4 до 5 лет // *Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки*. 2024. № 166(1). С. 118–130. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.1.118-130> EDN: EATCTB
8. Воейкова М.Д. Глагольные дериваты на ранних этапах усвоения русского языка // *Проблемы онтолингвистики 2022: речевой мир ребенка (универсальные механизмы и индивидуальные процессы) : Материалы ежегодной международной научной конференции, Санкт-Петербург, 19–21 апреля 2022 г. СПб. : BBM, 2022. С. 13–21. EDN: FGFHST*
9. Kazakovskaya V.V., Voeikova M.D. Acquisition of derivational morphology in Russian // Mattes V., Sommer-Lolei S., Korecky-Kröll K., Dressler W.U. (eds.) *The acquisition of derivational morphology: a cross-linguistic perspective*. NY : John Benjamins Publishing Company, 2021. P. 169–195. <https://doi.org/10.1075/lald.66.07kaz> EDN: GLXCOG
10. Сухорукова Ю.А. Функциональные особенности глаголов и глагольных префиксов в русском языке: корпусное исследование (на материале глаголов с префиксом пред-) // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2021. № 4(216). С. 37–47. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2021-4-37-47> EDN: AMGQJA
11. Русская грамматика: в 2 т. / Н.Ю. Шведова (гл. ред.) и др. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Н.С. Авилова, А.В. Бондаренко, Е.А. Брызгунова и др. М. : Наука, 1980.
12. Дети о языке: метаязыковая деятельность и языковая рефлексия / С.Н. Цейтлин, М.Б. Елисеева, Т.В. Кузьмина [и др.]. СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2022. EDN: PNQCFP
13. Введенская Н.М. Каркас русской грамматики // *Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки*. 2023. Т. 165. № 3. С. 67–78. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.3.67-78> EDN: CMKJRK
14. Елисеева М.Б. Детские и поэтические окказионализмы: сходство и различие // *Проблемы онтолингвистики 2024: языковое взаимодействие взрослого и ребенка : Материалы ежегодной Международной научной конференции. СПб. : BBM, 2024. С. 78–84 EDN: UATJVO*
15. Цейтлин С.Н. Возвратные глаголы и детская речь // *Проблемы теории грамматического залога*. Л. : Наука, 1978. С. 128–130. EDN: SZHQML
16. Слобин Д., Грин Дж. Психоллингвистика. Перевод с английского Е.И. Негневицкой / Под общ. ред. А.А. Леонтьева. М. : Прогресс, 1976.
17. Елисеева М.Б. Прямые и косвенные самоисправления в речи детей дошкольного возраста // *Уральский филологический вестник. Серия: Психоллингвистика в образовании*. 2015. № 4. С. 98–112. EDN: VHUKGZ
18. Гвоздев А.Н. От первых слов до первого класса : дневник научных наблюдений. М. : Ленанд, 2019.

19. Елисеева М.Б., Максимова Н.И., Голубева В.К. Книга в восприятии ребенка от рождения до 11 лет. Исследование и методики развития интереса к чтению. СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2019. EDN: TYVGHN

References

1. Chukovsky, K.I. (2023). *From two to five*. Moscow: Detskaya literatura. (In Russ.).
2. Cejtin, S.N. (2009). *Essays on word formation and form formation in children's speech*. Moscow: Znak. (In Russ.). EDN: RWKCTL
3. Clark, E.V. (1995). Later lexical development and word formation. In: *The handbook of child language*, P. Fletcher, B. MacWhinney (eds.) (pp. 393–412). Oxford: Blackwell. <https://doi.org/10.1111/b.9780631203124.1996.00016.x>
4. Eliseeva, M.B. (2015). *Formation of an individual language system: early stages*. Moscow: Languages of Slavic culture. (In Russ.). EDN: VRSAJJ
5. Eliseeva, M.B. (2019). Suffixal word-formation models in the speech of a child from 3 to 4 years old (based on a longitudinal study). In: *Modern ontolinguistics: problems, methods, discoveries: materials of the annual international. scientific conf.* (pp. 152–156). Ivanovo: Listos. (In Russ.). EDN: ONJXFM
6. Eliseeva, M.B. (2020). The ontogenesis of word formation in a child's speech between 3 and 4 years of age (a case study). *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, (196), 86–96. (In Russ.). <https://doi.org/10.33910/1992-6464-2020-196-86-96> EDN: GORCRT
7. Eliseeva, M.B. (2024). Derivational Occasionalisms in the Speech of One Child Aged from Four to Five Years. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta Seriya Gumanitarnye Nauki*, 166(1), 118–130. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.1.118-130> EDN: EATCTB
8. Voeikova, M.D. (2022). Verbal derivatives in the early stages of Russian language acquisition. In: *Problems of ontolinguistics 2022: the child's speech world (universal mechanisms and individual processes): Proceedings of the annual international scientific conference, St. Petersburg, April 19–21, 2022* (pp. 13–21). Saint Petersburg: Publ. House VVM. (In Russ.). EDN: FGFHST
9. Kazakovskaya, V.V., & Voeikova, M.D. (2021). Acquisition of derivational morphology in Russian. In: Mattes V., Sommer-Lolei S., Korecky-Kröll K., Dressler W.U. (eds.) *The acquisition of derivational morphology: a cross-linguistic perspective* (pp. 169–195). NY: John Benjamins Publishing Company. <https://doi.org/10.1075/lald.66.07kaz> EDN: GLXCOG
10. Sukhorukova, Yu.A. (2021). Functional features of verbs and verbal prefixes in the Russian language: corpus research (based on verbs with the prefix pre-). *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, (4), 37–47. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2021-4-37-47> (In Russ.). EDN: AMGQJA
11. Russian grammar: in 2 vol. (1980). N.Yu. Shvedova (Ed.) Vol. 1. Phonetics. Phonology. Emphasis. Intonation. Word formation. Morphology. Moscow: Nauka publ. (In Russ.).
12. Children about language: metalinguistic activity and language reflection (2022). S.N. Cejtin, M.B. Eliseeva, T.V. Kuzmina (eds.). Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia publ. (In Russ.). EDN: PNQCFP
13. Vvedenskaya, N.M. (2023). Russian Grammar Framework. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 165(3), 67–78. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.3.67-78> EDN: CMKJRK
14. Eliseeva, M.B. (2024). Children's and poetic occasionalisms: similarities and differences. In: *Problems of ontolinguistics 2024: language interaction between an adult and a child. Proceedings of the annual International Scientific Conference* (pp. 78–84). Saint-Petersburg: VVM. (In Russ.). EDN: UATJVO
15. Cejtin, S.N. (1978). Reflexive verbs and children's speech. In: *Problems of the theory of grammatical voice of the USSR Academy of Sciences., Institute of Linguistics* (pp. 128–130). Leningrad. (In Russ.). EDN: SZHQML

16. Slobin, D., & Green, J. (1976). *Psycholinguistics*, E.I. Negnevitskaya (Transl.), A.A. Leontyev (Ed.). Moscow: Progress. (In Russ.).
17. Eliseeva, M.B. (2015). Direct and indirect self-corrections in the speech of preschool children. *Scientific Journals of Ural State University. Series: Psycholinguistics in education*, (4), 98–112. (In Russ.). EDN: VHUKGZ
18. Gvozdev, A.N. (2019). *From first words to first grade: a diary of scientific observations*. Moscow: Lenand. (In Russ.).
19. Eliseeva, M.B., Maksimova, N.I., & Golubeva, V.K. (2019). *The book in the perception of a child from birth to 11 years. Research and methods for developing interest in reading: educational and methodological manual*. Saint-Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia publ. (In Russ.). EDN: TYVGHN

Сведения об авторе:

Елисеева Марина Борисовна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой языкового и литературного образования ребенка, Институт детства, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (191186, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48); *сфера научных интересов*: язык художественной литературы, речевой онтогенез и дизонтогенез, становление индивидуальной языковой системы ребенка, диагностика речевого развития, языковая рефлексия, восприятие книги ребенком, освоение русского языка детьми-билингвами; *e-mail*: melyseeva@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-0564-668X, SPIN-код: 9596-1616, Author ID: 183194.

Information about the author:

Marina B. Eliseeva, PhD in Philology, Associate Professor, Head of the Department of Children's Language and Literary Education, Institute of Childhood, Herzen State Pedagogical University of Russia (48 Moika Embankment, St. Petersburg, Russian Federation, 191186); *Research interests*: language of literary literature, speech ontogenesis and dizonogenesis, development of individual language system of the child, diagnosis of speech development, linguistic reflexes, perception of a book by a child, mastering of Russian language by children-bilingual; English language, imagery; *e-mail*: melyseeva@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-0564-668X, SPIN-code: 9596-1616, Author ID: 183194.